

ЯНА ЯСНА
СВЕТЛАНА НАРВАТОВА

**НЕ МУЖИК
ОГОНЬ**

18+

Слуги Амон Ра

Светлана Нарватова

Не мужик – огонь!

«Яна Ясная»

«Автор»

2026

Нарватова С.

Не мужик – огонь! / С. Нарватова — «Яна Ясная», «Автор»,
2026 — (Слуги Амон Ра)

Он забрался ко мне в дом, голый и обожженный и сожрал мою
курицу-гриль! Нужно было выгнать его ещё тогда, но на улице шёл
снег. А на его плече был браслет эпохи Хатшепсут, величайшей из
фараонов. Потом, когда под безобразными ожогами обнаружился
темпераментный красавчик, стало поздно. Выяснилось, что у
нас слишком много общего. Общий враг – это очень много!

#египет_головного_мозга#без_страха_упрека_и_тормозов#за_правое_дело_стой_сме.
фанфарамиПервая часть дилогии

© Нарватова С., 2026

© Яна Ясная, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог первый, он же эпилог.	5
Марша	5
Пролог второй, просто пролог. Очень темные дела	8
Глава 1. Хорошо горит!	9
Глава 2. Газлайтинг по лейк-стоунски	15
Глава 3. Ночной жрец	22
Глава 4. Вспомнить всё!	28
Глава 5. Сплю на новом месте, приснись...	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Светлана Нарватова, Яна Ясная

Не мужик – огонь!

Пролог первый, он же эпилог.

Марша

Мерзкий мелкий дождик сыпал из вновь сгустившихся к вечеру туч. Остатки вчерашнего снега превратились в грязное месиво. Ещё пара-тройка часов, и температура опустится, а дорога превратится в каток с препятствиями. Хорошо, что я уже буду у себя. Я вывернула на подъездную дорогу, и дом, сияя прожектором, появился во всем своем жалком великолепии. Когда-нибудь я непременно стану богатой и его отремонтирую. Но сейчас меня больше тревожили темные окна. С одной стороны, было бы проще, если бы гость исчез из моей жизни. С другой...

Я не дала себе задуматься над этим. У меня и так есть, о чем переживать. Что ни возьми, одна тема оптимистичней другой. Припарковала автомобиль, набрала в охапку пакеты с продуктами и ввалилась в дом – шумно, как медведица гризли в берлогу, толкая спиной внутреннюю дверь, чтобы закрыть на ключ наружную, и угодила прямо в цепкие лапы Зака Морелли. Я его спинным мозгом опознала (или тем, что ниже, тут точно не скажу).

– Давай сюда! С ума сошла – такие тяжести носить? – выговаривал Зак, освобождая мне руки. Я чуть было не буркнула, что мог и сам донести, раз он такой заботливый. Но вовремя вспомнила, что не мог. Во-первых, ему вообще нельзя выходить. А во-вторых, не в чем.

Щелкнула выключателем, зажигая свет, и озадачила вопросом Морелли вопросом на миллион:

– Угадай, кого я встретила?

Зак поставил добычу на столик в прихожей, потянул руки к моим плечам, и я покорно повернулась к нему спиной, позволяя снять пальто. Не дождавшись реакции на вопрос, бодро и радостно ответила сама:

– Правильный ответ – всех!

Забота Морелли не раздражала. В ней не было показной демонстрации манер (ой, Морелли – и манеры, я вас умоляю!) или притязаний на то, что именно в его штанах самые стальные фаберже в доме. Шестым чувством (возможно, идущим от того, что ниже спинного мозга) я ощущала, что это всего лишь желание помочь. И притворилась, что со мною так каждый день по три раза. Потянулась за плечиками, но аккуратист-Зак опередил меня, и не только в этом: он бережно отряхнул пальто от противной водяной взвеси, притворявшейся дождем, и повесил его на вешалку.

– Там в машине еще пакеты остались, подожди, сейчас переобуюсь и принесу... Нет, ну мало того, что я в супермаркете встретила своего тренера, и каждую калорию пришлось выбивать с боем, так еще и на работе, черт побери, полный кворум собрала, когда приперлась туда в таком виде!

Продолжая изливать досаду, я нагнулась снять сапоги и только по изменившемуся дыханию за спиной (и тем, что ниже) поняла, сообразила, что творю.

Ах ты... интеллектуально обездоленное дитя инфузории-туфельки и мозгового слизня! Я выпрямилась, стараясь, чтобы это выглядело естественно и непринужденно, и одёрнула мик-

ро-юбку. Одевалась я не для работы. И уж точно не для того, чтобы наклоняться перед мужчинами.

Вы когда-нибудь пытались естественно и непринужденно стоять в одном сапоге на высокой шпильке, не зная, как расстегнуть и не засветить перед благодарным зрителем свой внутренний мир ещё разок?

На Зака я старалась не смотреть. Ну вот как можно было ему жаловаться, что попала на работе во фривольном наряде, – и забыть, господи прости, что я все еще в нем?

Морелли, показательно глядящий куда-то в сторону, прервал неловкий момент, попросту придвинув ко мне банкетку, на которую я поспешно опустила зад (попутно гоня от себя мысли, насколько хорошо Зак успел его разглядеть).

– Если в машине не осталось ничего срочного, то к чему торопиться? Отдохни, переоденься, а потом принесешь.

– Там твоя одежда! – отрапортовала я и краем глаза заметила, как напрягся собеседник. – В смысле, для тебя. Я папу ограбила, сказав, что это для нищих и бездомных.

– Ты ему ни капли не соврала, – улыбнулся Зак мальчишеской улыбкой, которая ему на удивление шла, и только тут до меня дошло, что с ним что-то не то.

– Так. – Я наконец избавилась от колодок и с наслаждением вытянула носки. Пошевелила пальцами, туда-сюда подвигала стопами... – Скажи мне, Зак: ты пробрался ко мне ванную и воспользовался тональным кремом или продал мои монографии, чтобы посетить СПА?

Я дотянулась до мягких, теплых домашних сапожек, натянула их и поворачивала ногами в голеностопе.

– Твои монографии стоят так дорого? – удивился он.

– Нет, конечно, но дай пометчать... Мистер Морелли! – встрепенулась я от внезапного озарения, – вы опять переводите тему! Расскажи-ка мне, что ты такого сделал, что твой «химический ожог» бесследно пропал?

Зак Морелли выглядел как обещал: человеком, который вполне мог претендовать на внимание такой девушки, как я. Даже жаль, что он женат. На работе. Хотя сейчас он в вынужденном отпуске...

– Смазал лицо твоим кремом, а потом помылся, – отмахнулся Зак, и он что-то скрывал. Это было понятно безо всякого детектора лжи.

– Не наоборот? – уточнила я весело.

Критическая концентрация загадок, странностей и тайн угрожала взрывом моему мозгу.

– Давай ужинать. Ты, наверное, проголодалась? – предложил Морелли. – Идем в кухню. Я буду разбирать продукты, а ты рассказывать, как съездила и про весь свой аншлаг.

Он легко подхватил пакеты и пошёл вперед, не ожидая моего решительного «конечно, проголодалась», потому что, черт подери, это была правда. И я двинулась за ним следом, как крыса за волшебной дудочкой, потому что из кухни пало выпечкой, ванилином и ещё бог весть какими, но очень аппетитными специями.

– Что ты хочешь на ужин? – спросил Зак, выкладывая на стол покупки.

Я быстро сунула нос в один из пакетов, вынула упаковку со стейками и положила перед ним:

– Скажи ты. А то вдруг я опять ошибусь?

Морелли рассмеялся.

– Хорошо. Пожарю. Так что, тебе удалось попасть в Управление и идентифицировать мою личность? – с некоторым напряжением в голосе спросил он.

– Да, всё получилось, – похвасталась я.

Ну в этой-то части точно.

Но с лица Зака вдруг исчезла улыбка:

– Марша, что не так? В полиции возникли проблемы?

– Да никаких проблем! В управлении вообще всё замечательно вышло! – Для меня так точно. А вот для него...

– Марша. – Морелли присел передо мной на корточки и взял мои ладони в свои руки. Мои были ледяными, его – согревающими. – Что у тебя случилось?

– Много чего случилось, – вздохнула я.

Сейчас мне нужно было принять решение, насколько я доверяю своему гостю. И насколько могу ему довериться.

То самое место, чувствительность которого неожиданно обострилась сегодняшним вечером, требовало (полагаю, в корыстных целях) рассказать Заку всё. И, кажется, я была готова с ним согласиться.

Хотя впервые встретила Зака Морелли всего сутки назад.

При весьма сомнительных обстоятельствах.

Пролог второй, просто пролог. Очень темные дела

Сутки назад

Двое невзрачно одетых мужчин торопливо шли против ветра, пряча лица от снежной крошки за поднятыми воротниками и козырьками кепок. На грязной обочине оставались следы, но их точно скоро засыплет первым снегом. И когда он завтра стает, никто уже не сможет определить, кто и куда здесь проходил. Пустынная окраина, полумрак ноябрьского вечера – идеальное время и место.

Тот мужчина, что повыше, оглянулся. Позади оставался небольшой дом. Когда-то он был ухожен, но теперь по оштукатуренным стенам расползлась паутина трещин. Сегодня он сыграл роль паучьего гнезда. Зло получило свою жертву.

В серых сумерках, тускло освещённых фонарём над соседским крыльцом, сквозь пелену мокрого снега, тёмные дыры окон выглядели особенно зловеще.

Мужчина поёжился. Кто вообще в здравом рассудке будет здесь селиться? Ведь кто-то живёт в этой соседней халупе?

Но это не его проблемы. Он на сегодня своё дело сделал. Мужчина ссутулился, поднимая плечи, чтобы спрятать нос за отворотом воротника.

Гудки звонка заставили его вздрогнуть.

Он переглянулся с сообщником.

Они всё сделали безупречно, но вызов с этого номера ничего доброго не сулил. Мужчина нажал на кнопку ответа.

– Да, босс! У нас всё по плану! Сделали в лучшем виде. Да, создали видимость борьбы. Драгоценности положили в тайник, как и договаривались. Заляпали их пальчиками копа снизу вверх и сверху вниз.

Мужчина слушал, в отчаянии потирая лоб.

– Да, понял. Вернуть драгоценности. Дали не те. Но копа не трогать. Всё понял. Сейчас сделаем. – Он уставился на подельника и покрутил пальцем у виска. Кто-то что-то напутал, а им за всех расхлёбывать!

Второй мужчина неотрывно смотрел назад. Первый обернулся.

Чёрные окна пустующего дома полыхнули огнём, будто внутри взорвалась световая граната. Стёкла вылетели с треском и со звоном рухнули на дорожки. Пламя прорвалось наружу через образовывшиеся дыры и теперь облизывало оконные рамы. Деревянный фасад крыши запылал в одно мгновение. Огонь взвился над домом, озаряя прилегающий к участку лесок, припорошенный снегом.

Высокий мужчина сжал в руке кепку и вытер ею лицо от лба до подбородка.

– Мы трупы, – проговорил тот, что пониже.

– Мы хуже, чем трупы, Джо. Распоряжение идёт от самого Удава. Нас подставили.

– Надо валить.

– Нас поймают.

– Похрен. Надо валить! Может, удастся зарыться в ил где-нибудь на самом дне. Шевели булками! Я заберу машину копа. Сейчас здесь будут все! И даже если не будет. Никто не поверит, что мы здесь ни при чём!

И они припустили к переулку, где стояли автомобили.

Глава 1. Хорошо горит!

Марша

– Гнусная осень, гнусный бэк-роуд и муниципалитет Лейк-Стоун – тоже гнусный, – с чувством объявила я, когда отец все же ответил на звонок и поднял трубку. – Как ваши дела, па?

Отец честно постарался скрыть смешок, но я-то знала его, как облупленного!

– Ну, судя по всему, получше, чем у тебя. Может, тебе стоит баллотироваться в мэры?

– И самой отвечать за состояние этой убогой колеи? Нашел дуру! Нет уж, я лучше буду ворчать на того, кто в это уже вляпался!

Отцовское рассудительное предложение подняло мне настроение, и в лобовое стекло старичка-форда я глядела чуть веселее. Даже несмотря на то, что показывали за ним разбитую дорогу, ровесницу египетских пирамид. Правда, сохранилась она не в пример хуже: приличное дорожное покрытие закончилось вместе с трассой, с которой я съехала еще с полмили назад.

Осенние хмурые сумерки и дворники, размазывающие по стеклу снегодождь, довершали картину.

– Мы же вчера разговаривали, что могло случиться за это время?

– Ну... – неопределенно протянула я.

Потому что, в целом, да. Казалось бы – что такое один день? Вот только у родителей гостила приехавшая из Египта бабуля, так что за этот день могло случиться все, что угодно.

Судя по смешку, который в этот раз никто даже не пытался скрыть, ход моих мыслей отец понял верно.

– У нас все хорошо, котенок! Бабушка рассказывает твоей маме о своих изысканиях. Представляешь, по ее мнению, есть основания полагать, что вы вполне можете оказаться потомками самой Хатшепсут!

Я пожалела, что мы с отцом говорим по телефону, и он не увидит, как шикарно я научилась закатывать глаза:

– Пап, слушай ее больше! Бабуле семьдесят восемь лет...

– Ай-яй-яй, мисс Сандерс, как нехорошо намекать, что у вашей родной бабушки деменция! – Голос отца заполнял салон моей старенькой машины добродушным ехидством. – Как не стыдно, юная мисс!

– Никак не стыдно, – невозмутимо отозвалась я, предельно аккуратно ведя машину. – Просто кое-кто не дал мне договорить! Бабуле семьдесят восемь лет, и все эти годы она тролль. Неужели ты думаешь, что для родной дочери ба сделает исключение? Па, посчитай сам. Вот у меня две бабушки, четыре прабабушки, восемь прапрабабушек... Хатшепсут взошла на престол в 1479-ом году до нашей эры. С тех пор прошло... Три тысячи... Три тысячи... Три тысячи четыреста... Па, ну ты не смейся, я сейчас посчитаю!

– Три тысячи четыреста восемьдесят лет, – папа улыбался.

Вот я по голосу умела слышать, что папа улыбался. Интересно, а он по голосу слышит, что я закатываю глаза?

– Ага. Это сколько в поколениях? Если брать за поколение в среднем двадцать пять лет?

– Три с половиной тысячи лет делим на двадцать пять – получаем сто сорок поколений. Знаешь, в школе тебе стоило бы меньше пререкаться с миссис Ло, а больше ее слушать.

– Пф-ф-ф. Миссис Ло называла меня позором семьи и пророчила, что я умру под мостом бездомной бродягой. А у меня ученая степень и весьма солидная для моих лет должность – пусть утретя, карга. В общем, я тебе и без этой старой ведьмы скажу, что потомком Хат может оказаться абсолютно кто угодно и где угодно, хоть у нас, хоть в Полинезии, хоть на островах Океании... О, черт!

Я ударила по тормозам: полыхнувшее в небе зарево прервало мою минуту торжества над школьным образованием и гадкой математичкой миссис Ло.

– Котенок, что?..

– У нас опять горит. – Я сосредоточенно вглядывалась, пытаюсь определить на глазок направление и расстояние до пожара, и даже приопустила стекло и принялась: чувствуется ли запах гари?

Не чувствовался. Но даже если бы я его унюхала, что бы мне это дало – не понятно.

– Далеко? С твоей стороны?

– Да черт его знает. С такого расстояния не определить.

– Не чертыхайся! – Строго одернул отец, и тут же обеспокоенно уточнил: – Сильно горит? Я закрыла окно и тронула машину с места.

– Да нет, пап, не очень.

На полнеба. Похожий на выстрелы треск пожара можно было слышать даже с закрытым стеклом. Но зачем об этом знать родителям?

– Так что там бабуля? – Легкомысленно спросила я, одним глазом поглядывая на отсветы пожара и осторожно ведя машину.

Отец купился, принял подачу: у меня под шинами хрустел гравий, но я даже сквозь него услышала в голосе отца смущение.

– Послушай, ну она же приводит твоей маме аргументы и доказательства этой своей теории!

Зарево, к моему огромному облегчению, явно становилось меньше, и весьма быстро, – судя по всему, спасательные службы были начеку и всюю отработывали наши налоги.

Я хмыкнула в трубку, вернувшись к разговору:

– Которые наверняка сфальсифицировала сама. Кстати, раз уж ты вспомнил о школе: когда я была в седьмом классе, твоя теща, чтобы скрыть от вас мои прогулы, предоставила в школу справку о моей психической нестабильности, которую собственноручно подделала.

В детстве, кстати, я ужасно обиделась на бабулю, когда узнала об этом, но до того – очень удивлялась внезапной лояльности педагогов.

– Что?!

– Вот именно!

– Но...

– Вот и думай, кому ты веришь!

Папа, не выдержав, рассмеялся:

– Обожаю тещу!

Я вот бабулю тоже обожаю. Но это на своем месте. А на месте папы вряд ли была бы так терпима.

А папа, словно прочитав мои мысли, сказал:

– Понимаешь, Марша, твоя бабушка уравнивает непростой характер твоей мамы. Не переживай так, правда. Мы отлично ладим – днем миссис Уайт терзает общественные организации Эверджейла, а по вечерам они с мамой могут часами общаться на рабочие и научные темы. Если бы я научился понимать, когда твоя бабушка шутит, я бы, пожалуй, считал, что всё идеально.

– Пф-ф-ф!

– Ты совершенно права, родная. Бабушка такого никогда не допустит!

Не удержавшись, я рассмеялась:

– Пока, пап!

– Пока, милая.

Попрощались мы вовремя: я почти приехала. За разговором с отцом я успела въехать на Пайн-стрит, в этом месте она изгибалась, а сразу за поворотом и был мой дом.

Я вывернула руль, вводя машину в поворот...

– Ох ты ж... – крепко закрученная бранная фраза, которой когда-то научил меня дед-археолог, вырвалась сама.

Зато не чертыхнулась – как и просил папа.

Что ж. Теперь я точно знаю, где именно горело.

Вместо соседского дома с табличкой «Продается» передо мной предстало пожарище – освещаемое светом моего родного фонаря.

И вот теперь вонь накрыла меня: густой, тяжелый смрад, у которого с запахом уютного костра общего – примерно как у детской песочницы и пустыни Негев.

Мотор форда я заглушила еще до того, как успела подумать об этом, и встала на обочине в десятке ярдов от собственной подъездной дорожки.

И кроме меня – никого.

Громко треснуло, темноту над пожарищем лизнул язычок огня, разбавив электрический свет своим отблеском.

Я заставила себя ослабить хватку и разжать пальцы, крепко стиснутые на руле.

Приди в себя, Марша. Ты не трепетная девица, чтобы впадать в ступор там, где надо действовать, особенно когда совершенно понятно – как именно действовать.

Нажимая на кнопки «911», я сосредоточенно вертела головой, разглядывая картину за окном.

А действительно, где все?..

– Говорит Марша Сандерс. На Пайн-стрит, дом 17, пожар. Дом полностью сгорел. Ни пожарных, ни полиции. Да, я одна. Да, точно никто не приезжал.

Оператор уточнил детали, пообещал направить по адресу службы, еще раз уточнил, в порядке ли я, – я несколько удивленно заверила, что да, я в порядке, что со мной может случиться? – и завершил разговор.

Щелкнув ремнем безопасности, я порылась в бардачке, ожидаемо там ничего не нашла – ну вот сколько раз говорила себе, что нужно фонарик на всякий случай возить! – и вышла из машины.

Гадостный запах, усиленный и приправленный сыростью земли и снегодождя, стал еще гаже. Хотелось закрыть нос платком или хотя бы перчаткой – но вот незадача, ни того, ни другого у меня с собой не было, как и фонарика.

Я неспешно брела вокруг сгоревшего дома, вдумчиво оглядывая землю между ним и своим обожаемым жилищем на предмет дымов, углей и иных признаков очага возгорания, и думала, что с погодой мне, пожалуй, повезло. Если бы последние несколько дней с неба не срывался то и дело дождь, готовый в любой подходящий момент перейти в снег, еще не известно, не перекинулся бы огонь на соседние строения. А если бы ветер, то и дождь бы не помог: Лейк-Стоун – городок старый, застройка тут примерно конца девятнадцатого – начала двадцатого века, когда про пожаробезопасные строительные и отделочные материалы слухом не слыхивали. А строения, в основной массе, обветшалые.

И пусть сам мой дом, за который я только начала выплачивать кредит, застрахован, но моя библиотека – нет. И какая страховка возместит утраченные дедушкины книги, которые он подписывал для меня? И уж точно страховая не вернет тематические подборки професси-

ональной периодики за полтора десятилетия и альбомы фотографий с раскопок, отснятые и отпечатанные лично мной под руководством профессора Уайта.

И раз уж из всех соседей только я живу здесь не наездами, а постоянно, то как ответственный гражданин должна присмотреть за ситуацией до приезда пожарных.

Поэтому я шла и внимательно осматривала подвядшую траву. Признаков возможного распространения огня не наблюдалось. Как, кстати, и следов присутствия спасательных служб: ни отпечатков протекторов на раскисшем газоне, ни следов пожарной пены... Я не ошиблась – я первая, кто прибыл на место происшествия.

Чертовщина какая-то.

Ах, да, папа же просил! Не чертовщина – хрень.

Ладно. Ни мне, ни моему имуществу эти странности, вроде бы, не угрожают. Значит, сохраняем спокойствие и продолжаем обход.

И я мрачно побрела дальше.

Дурацкая ситуация, дурацкая активная жизненная позиция, дурацкая темнота.

Да еще пожар этот, тоже дурацкий, по-прежнему дышал, не погаснув до конца, и время от времени разрождался то снопами искр, то всполохами пламени, не давая глазам адаптироваться к уровню освещенности. Из-за этого на пожарище я старалась не смотреть, концентрируя внимание на темном участке земли между домами – и о человека, скрючившегося в позе эмбриона, в итоге, чуть не споткнулась. В последний момент увидела темную грудку у себя под ногами. А еще через мгновение – поняла, что это за грудка, и растерянно замерла, не зная, что делать.

Мертвецов я не боялась. В конце концов, я приличная девушка из хорошей семьи, меня в детстве мотивировали обещаниями за хорошее поведение летом отпустить с дедушкой на раскопки, что я, мертвецов не видела? Но... Одно дело – древние останки, обезличенные, интеллигентные, что ли: мумифицированные, скелетированные... И другое – смерть, случившаяся прямо здесь и прямо сейчас. Такая... зримая. И мучительная. А тут еще сгоревший дом плюнул снопом искр, спеша подсветить зрелище, на которое не хотелось смотреть, но и не смотреть было невозможно: обугленная плоть, мучительный оскал с полоской белых зубов... В неверном свете что-то блеснуло, огонь разгорелся сильнее, высвечивая на плече у трупа широкий браслет. Вызывающе, сюрреалистично чистый посреди этого царства углей и пепла. Не то что не закопченный – а блестящий, будто только что был отчеканен и любовно отполирован мастером. Я прикипела взглядом к мягкому блеску золота и богатым узорам чеканки, категорически не желая видеть... видеть все остальное, словом.

За спиной, в глубине того, что раньше было домом соседей, треснуло, и я поймала себя на том, что наклонилась к браслету и... и... к его бывшему хозяину. Очнувшись, я резко выпрямилась.

Так. Вот где-то здесь заканчивается моя гражданская сознательность.

В том, что опасности немедленного распространения огня нет, я убедилась? Убедилась. Все остальное – работа спасательных служб, а я лучше подожду их приезда там, где этот самый приезд будет лучше видно.

Поймав себя на том, что пячусь от мертвого тела, будто оно может представлять опасность, я залепила себе мысленную оплеуху (возьми себя в руки немедленно, Марша Сандерс!), остановилась и выдохнула воняющий мокрым пепелищем воздух. Заставила себя повернуться к этому месту спиной – и пошла прочь от своей находки (от обеих находок).

Нет, я не боюсь покойников. Просто... Просто мне не нравится всё это видеть.

Станный звук, то ли сипящий вздох, то ли скрип, донесся сзади и хлестнул, как кнутом.

Я замерла, чувствуя, как напряжением сводит спину: это... оно что, живое?.. Надо вернуться и посмотреть. Убедиться. Просто убедиться, что мне послышалось: то, что я видела,

оно просто не может быть живым человеком. С такими ожогами не живут, это же даже не четвертая степень, это головешка...

Внутри меня боролись два волка... хотя нет, оставим индейцев чероки с их притчами коллегам-юговосточникам США, а я – порядочный египтолог, так что внутри меня боролись два льва.

Лев «сучка Марша» рационально говорил, что об оказании первой помощи речь все равно не идет, ведь к пострадавшему с такими повреждениями даже прикоснуться нельзя, так зачем мне возвращаться? Здраво и разумно будет не мучить себя, потому что единственное, чем я могу помочь этому человеку, я уже сделала: позвонила в 911. Лев «Марша, желающая считать себя хорошим, эмпатичным и гуманным человеком», молчал. Он просто знал, что хороший человек в этих обстоятельствах может поступить единственным образом: вернуться к пострадавшему и быть рядом.

Звук, раздавшийся снова, разрешил все сомнения: теперь я четко разобрала, что это действительно скрип разогретого близким жаром дерева, и доносится он сзади и слева, а не оттуда, где лежит труп, как мне с перепугу показалось... Облегчение оказалось настолько сильным, что даже в голове зазвенело. Зато расслабились скованные мышцы, и я наконец-то смогла сделать шаг. И, воспользовавшись этим, ушагала к своей машине. Надо перегнать ее на мой участок: не хватало еще, чтобы она помешала подъезжающей технике спасательных служб. Да и вообще, бросать свой автомобиль на чужом участке – не дело.

Фонарь над моим крыльцом – единственный источник света в этой части Пайн-стрит. Городок у нас полудохлый: большая половина домов используются только как загородные, хозяева бывают в них наездом. Остальные же дома частью выставлены на продажу, частью законсервированы, а частью и откровенно заброшены. Домов, обитаемых постоянно, как мой, во всем городе еще от силы семь.

Соседей здесь можно не видеть месяцами – это и стало второй причиной, по которой я выбрала для жизни Лейк-Стоун. Первой была цена жилья в городе с исторической застройкой, а третьей – лес, начинавшийся прямо под боком.

Увы, но в случае форс-мажоров все эти плюсы оборачивались минусами: денег на содержание собственных спасательных служб у муниципалитета самым логичным образом не было, поэтому Лей-Стоун обслуживали службы Эверджейла, ближайшего относительно крупного города. Ждать их, разумеется, при необходимости приходилось примерно до второго пришествия.

На этой мысли я споткнулась, вспомнив, какая именно необходимость сегодня заставила меня ждать.

Скрюченное тело, белый оскал зубов, почерневшие кожные покровы...

Закрыла глаза и судорожно сглотнула.

Браслет, вспомнила я. И мозг, защищаясь от внезапного ужаса, переключился на него, намертво закливая внимание на что-то спасительно понятное и знакомое.

Браслет (хотя правильно, конечно, говорить «непарное оплечье») я узнала сразу: почти такой же хранился в музее истории имени Вашингтона в Эверджейле, где я имею честь служить хранительницей фондов. Лежал себе в запасниках уже третье десятилетие и в экспозицию не выставлялся из-за неподтвержденного происхождения.

Узнать – узнала, но от неожиданности просто не поверила. Серьезно, откуда у бродяги (а кто еще мог влезть в пустой дом, выставленный на продажу?) мог взяться браслет эпохи Нового Царства?

Нашел у соседей? Ну-ну. Будь у соседей такое сокровище, вряд ли их загородный дом оказался в том плачевном состоянии, в котором он находился, когда я последний раз его видела.

Нет, вряд ли это подлинник: помимо того, что и место, и ситуация были неподходящими для музейной ценности – тот браслет, что хранился у нас, был из чистого золота, а я не всегда была музейным работником: начинала я, как все, с работы в поле. А до того – лет с четырнадцати моталась с дедом и бабулей по раскопкам, и своими глазами видела, что представляют из себя древние золотые украшения, побывавшие на пожаре, но не дошедшие еще до реставраторов. И не золотые, кстати, тоже – так что браслет явно реплика. Из какого-то современного тугоплавкого металла с защитным покрытием, эффективно противостоящим копоти, саже и грязи. Понятия не имею, что это могло быть, но в современных материалах я не разбираюсь, и цели разобраться себе не ставила.

Хотя реплика крайне тщательная и детально проработанная, настолько, что ее уже тянет классифицировать как подделку: законопослушные копии обязаны иметь явные отличия от оригинала, а браслетик-то был «идентичен натуральному», насколько я рассмотрела...

Угу, рассмотрела она... Ночью. При свете пожара и фонаря от собственного порога. Марша Орлиный Глаз Сандерс, прости, Господи.

Хотя нет, я же, как установлено ранее, порядочный египтолог – так что Марша Око Амон Ра Сандерс!

А если браслет и не был на пожаре? Тогда это убийство, если его надели на труп позже? Я вспомнила браслет, труп, обугленную кожу... Перед глазами всплыло всё, что я так старательно пыталась засыпать, затянуть досужими размышлениями о браслете, как пустыня – песком.

И с силой втянула воздух. Задержала дыхание, насколько смогла. И медленно выдохнула. Спокойно, Марша. Просто не думай об этом.

Глава 2. Газлайтинг по лейк-стоунски

Марша

К тому моменту, как вдали раздались-таки вожделенные звуки полицейской сирены, снег с дождем успел превратиться в уверенный, хоть и липкий снег. А я успела вдоволь надыхаться квадратом, технике дыхания, которой научилась ещё в юности, чтобы справляться с эмоциями. Замерзла, от души находилась вдоль подъездной дорожки, порадовалась, что в ванной релейная розетка уже минут сорок как должна была запустить бойлер на нагрев воды... Словом, когда из-за поворота появились сперва вспышки проблескового маячка, а затем выехал полицейский автомобиль, я не хотела уже ни-че-го, кроме как передать копам с рук на руки труп, проследить, чтобы подробное описание браслета внесли в протокол (а вдруг все же подлинник, не могу же я допустить, чтобы историческую ценность оставили навечно пылиться на складе вещдоков, и то и вовсе потеряли), дать показания и наконец-то уйти к себе домой. Впрочем, на мой взгляд, дачу показаний можно и на завтра перенести.

Я решительно пошла навстречу машине. Приехавшие на вызов полицейские были самые обычные, копы как копы: усталые к вечеру, один чуть постарше меня, другой – возраста моего папы. Грузноватые, но так сразу не разберешь в потемках, то ли от сидячей работы, то ли от теплой одежды. Тот, что старше, с сединой и благоразумием в глазах, – в зимней тактической куртке. Тот, что моложе и с признаками индейской крови в чертах лица, – просто в форме.

– Офицер Гарнер и офицер Уолкер, полиция Эверджейла. – Седой представил себя и коллегу и показал мне значок, пока его напарник осматривал с подъездной дорожки место происшествия: сгоревший дом и газон перед ним. – Добрый вечер, мэм. Это вы звонили в службу спасения? Можете рассказать, что здесь произошло?

– Марша Сандерс, офицер. Я приехала домой, увидела, что дом моих соседей сгорел и позвонила вам. А потом я нашла труп.

* * *

Копы разделились: седой офицер Гарнер вцепился в меня клещом, расспрашивая о подробностях, молодежавый Уолкер ушел в том направлении, где остался лежать покойник.

– Итак, вы увидели пожар, когда ехали домой с работы, я правильно вас понял?

– Нет, офицер, я не говорила, что я ехала с работы. Я возвращалась домой с тренировки – и увидела, как полыхнуло. Быстро и сильно.

Он пометил что-то у себя в записях.

– А где вы были, когда заметили пожар?

– Миля, может, чуть больше, как съехала с федеральной трассы на бэк-роуд Лейн-Стоуна.

– Оттуда ведь минут пять-семь езды до вашего дома, верно?

Я посмотрела на офицера подозрительно.

Понятно. Кажется, мне здесь не верят.

– То есть, вы утверждаете, что двухэтажный дом вспыхнул и сгорел примерно за пять минут, верно, мэм?

– Не верно. – Взгляд полицейского я встретила открыто. Уверенно. Мне нечего смущаться и нервничать: я не путаю и не вру. – Зарево начало гаснуть еще когда я была в дороге – я отлично помню, что обратила на это внимание. Когда съехала на Пейн-стрит, пожара уже не было видно. Когда я приехала, здесь всё уже было примерно в таком состоянии как сейчас. Он кивнул. Лицо у офицера было профессионально-невозмутимое.

Меня это, в принципе, волновало мало – моя гражданская обязанность дать показания честно и подробно. Интерпретировать их и искать объяснения – обязанность полиции.

– Вы вызвали службу спасения, и что вы делали дальше? Как вы обнаружили труп?

Как-как... как дура с активной жизненной позицией, офицер. Но вам я этого не скажу. Впрочем, как и того, что дедушка звал активную жизненную позицию «шилом в заднице».

Вместо этого я нудным голосом, каким зачитывает инструкции по технике безопасности мистер Мёрфи, начальник службы безопасности музея, завела:

– Я приехала домой. Увидела сгоревший соседский дом. Остановила машину, – вон там, чуть дальше, чем стоит сейчас ваш автомобиль – заглушила мотор. Позвонила 911. Вышла из машины. Пошла обходить пожар вокруг...

– Зачем? – вклинился офицер, перебивая мой заунывный монолог.

Я ткнула пальцем в направлении фонаря, крыльца и подъездной дорожки к ним:

– Мой дом. Мне предстоит платить за него еще около двадцати пяти лет. Четверть века, офицер. Я купила этот дом из-за его богатой истории и только начала в нем обживать. И не хочу чтобы мой исторический дом в историческом месте сгорел из-за случайной искры от соседского пожара.

Офицер кивнул – теперь выражение лица у него было профессионально-понимающее.

– Продолжайте, мэ.м.

– Нечего продолжать. – Я зябко передернулась. – Шла отсюда – вот туда, видите? Осматривала промежуток между домами ну и вообще... смотрела, не видно ли на соседних участках огонь. И увидела.

Обгоревшая кожа, оскаленный рот, противоестественно сияющий полировкой в отсветах пожара браслет...

Озноб стал сильнее, я обняла себя за плечи, но тут же расслабила руки, собираясь продолжить, когда офицер снова задал уточняющий вопрос:

– Вы ничего не трогали на месте преступления?

– Нет.

Что я, по-вашему, сериалов не смотрела?

Это веское замечание я удержала при себе. Как и то обстоятельство, что чуть было не потрогала на месте преступления крайне подозрительный браслет.

Но поскольку сериалы я все же смотрела, то живо представила себе, как меня увозят в участок для допроса – ведь на месте преступления оказались мои отпечатки. Там меня допрашивают, узнают, что я египтолог, и из свидетельницы я становлюсь подозреваемой – потому что подозрительный браслет был очевидно египетским. Хотя он, конечно, подделка. Возможно, полиция решит, что из-за этого я того бродягу и убила.

Потом полицейские запрашивают мое досье, я становлюсь главной подозреваемой, меня арестовывают и отправляют в камеру...

...до утра, примерно – потому что утром весть о происшествии неизбежно достигнет моей семьи, и вскоре в участок ворвутся папа с адвокатом, мама с жадной крови и бабушка с пахитоской, сарказмом и стенакордией.

Хорошо, что сериалы я все же смотрю, браслет не трогала, в момент возгорания находилась в нескольких милях отсюда и арестовывать меня не за что – так мне их всех от этой мысленной картины стало жалко.

Но, вообще-то, они все сами были бы виноваты. Всё же, полицейские – взрослые люди и профессионалы, и должны бы по умолчанию допускать вероятность, что у любого задержанного могут найтись не только адекватные мама и папа, но и слабо предсказуемая деятельная бабушка.

– Опишите подробно, что вы увидели, мисс Сандерс, – попросил коп, и я, мысленно поморщившись, честно постаралась восстановить перед глазами картину: жухлая трава, грязная от сажи и пепла, присыпанная крупкой снега, скрюченное в позе зародыша тело, проклятый браслет, полоска зубов, обугленная кожа...

– У него на плече, вот здесь... – я показала на себе, но тут меня прервал голос офицера Уолтера.

– Марк, ничего нет! Я обошел всё – здесь чисто. Мэм, вы уверены, что вам не показалось?

Язык двинулся вперед и вверх быстрее, чем я успела ответить, быстрее, чем я успела подумать. Прижался к верхнему небу за зубами, переключая мое внимание на усилие, необходимое для этого действия, на телесные ощущения: неровность и одновременно гладкость неба, рельефность зубов...

Шесть.

Пять.

Четыре.

Заземляйся, Марша.

Я давно сама прекрасно держу себя в руках, необходимости в применении техник выхода из эмоций нет – а наработанный терапией рефлекс держится и не думает затухать: в любой конфликтной ситуации тело прижимает язык к небу, мозг запускает счет от шести до четырех.

– За кого вы меня принимаете? – с вежливым интересом спросила я, закончив мысленный счет и разглядывая офицера Уолтера.

– За гражданское лицо, – примирительно отозвался он. – Неподготовленные люди в подобных ситуациях часто...

Молодой коп замялся, и я любезно подсказала:

– Выдумывают небылицы?

Согласиться ему не позволяли служебные инструкции, опровергнуть мое высказывание не давал здравый смысл, и Уолтер предпочел никак не комментировать мои слова.

Я же шагнула с подъездной дороги на газон, покрытый мокрым снегом и решительно кивнула полицейским:

– Идемте.

И они пошли.

– Мисс Сандерс, а покажите, пожалуйста, где вы сошли с дорожки? Точно здесь? Не левее и не правее?

Я растерянно кивнула, подтверждая, что да, примерно здесь – и полицейские, включив фонарики, принялись изучать газон, негромко переговариваясь между собой:

– Марк, я ни-хрена не вижу. Никаких следов.

– Офицер Уолтер, вы роняете честь коренных народов Северной Америки. Ваши славные предки отrekli бы от вас, предварительно сняв скальп.

– Офицер Гарнер, вы грязный шовинист, и за подобные высказывания я считаю себя вправе разбить вам лицо.

– Вы забываете о субординации, офицер Уолтер!

– Хорошо, офицер Гарнер, сэр – я подам на вас в суд. Но не сомневайтесь, сделаю это со всем уважением к вашему званию, сэр!

– Терри, не говнишь, а? Ищи. Эта милая мисс не слезет с нас, пока мы не предъявим ей труп, и, боюсь, ей все равно, чей труп это будет: твой, мой или гипотетического неизвестного бродяги.

Беседа эта явно не предназначалась для моих ушей: копы были достаточно далеко от меня, чтобы рассчитывать, что я не услышу, как они разговаривают вполголоса. Я и мой внутренний лев «сучка Марша» ожидали, что офицеры примутся меня поносить, но полицейские были вполне сдержаны.

Мы искали покойника. И начали с того, что я не смогла даже четко указать место, где его обнаружила: ночь, неверный свет пожара и усилившийся снег сделали свое дело. Ни тела, ни места, где оно лежало, ни каких-нибудь доказательств, что оно в принципе было.

Копы попытались меня убедить, что в темноте и из-за взвинченных нервов я приняла за человека обгоревшее бревно, и даже показали парочку бревен-кандидатов. И хотя я изначально отвергла это предположение категорически, теперь и сама начала сомневаться.

А был ли труп?

Я же ясно его видела, и браслет этот еще...

Про браслет, кстати, я больше не заикалась. Если уж даже я сама всё, с ним связанное, сочла предельно странным, то что уж про скептически настроенных полицейских говорить?

Неужели действительно показалось? Я думала, что нервами покрепче.

Устав бродить в потёмках по снегу, я вернулась на подъездную дорожку. В конце концов, это не моё дело – искать труп. Я его уже нашла. И не виновата, что они его где-то потеряли! С дорожки были прекрасно слышны перешептывания копов.

– Гарнер, у меня сейчас сопли в носу замерзнут.

– Ай-яй-яй, Терри, твои предки...

– Марк!

– А если серьезно, я тебе сто раз говорил: одевайся нормально! Если хочешь танцевать – придётся платить музыканту. Хочешь выделываться? Придется выковыривать из носа сосульки. Ладно. Пойду еще раз спрошу мисс Сандерс. Может, она вспомнит еще что-то.

– Или признается, что нечего вспоминать.

– Работайте, офицер Уолтер!

Тот, что старше, направился ко мне, и я внутренне подобралась.

– Мэм... – офицер Гарнер смотрел на меня с тем выражением лица, которое делает директриса у нас в музее, собираясь вежливо, но максимально доступно, с унижительной оттяжкой, объяснить подчиненному, что он круглый идиот, и что выполненную работу нужно полностью переделать.

В нашем случае – поменять показания.

– Нет.

Я сама только что сомневалась в своих показаниях, да. Но малейшего сходства с директрисой Фостер хватило, чтобы я решила жестко отстаивать свое мнение.

– Простите? – удивился он. – Я всего лишь хотел спросить: сильно ли вонял труп?

Теперь настала моя очередь удивляться.

– Горелый белок, – пояснил офицер, видя мою растерянность. – Он сильно вонял? Это не первый пожар, на который я выезжаю, я знаю, о чем говорю. Вы наклонялись к трупу?

Я озадаченно перебирала события: вот я увидела человека, вот поняла, что он скорее всего мертв, вот зацепилась взглядом за браслет и нагнулась, чтобы рассмотреть поближе...

Я действительно наклонялась к трупу.

И да – даже сгоревшая курица разит так, что дом потом приходится проветривать по полдня.

А труп – не пах.

Гул подъезжающей тяжелой машины избавил меня от необходимости отвечать немедленно, добавив времени на раздумья.

Хлопнули дверцы. Из пожарного автомобиля соскочил на землю человек и пошел в нашу сторону.

Полицейский оглянулся, отвлекаясь на него. Я тоже отвлеклась, и вместо того, чтобы обдумывать свой ответ, рассматривала мужскую роскошную фигуру, эффектную даже в скудном освещении – и вот на ней даже зимняя защитная форма не создавала ощущения грузности или лишнего веса, а лишь добавляла массивности и эффектности силуэту.

– Капитан Миллер, расчет тридцать один. Прибыли для тушения, – он четко и привычно озвучил обязательную формулировку.

Офицер Гарнер представлялся в ответ, офицер Уолтер спешил к нам, а на заднем плане деловито суетились бравые парни в огнеупорной броне: пожарный расчёт готовился к работе.

Лицо, кстати, у капитана Миллера тоже не подкачало, под стать фигуре: волевой подбородок, резкие, правильные черты, умные глаза...

Овуляция у меня, что ли? Что-то сквозняком из окна фертильности потянуло.

Скорая приехала почти одновременно с пожарной службой, но ненавязчиво, без фанфар.

Просто из-за поворота вырулил стандартный фургон-амбулатория, из него чуть ли не на ходу выскочил парамедик и целеустремленно порыснул к полицейским и капитану Миллеру. Еще не дойдя, с полпути бодро крикнул:

– Пострадавшие есть?

Офицер Гарнер, который до того делился вводными данными с пожарной службой, тут же откликнулся:

– Есть! Окажите помощь свидетельнице!

И бросив взгляд на меня, добавил:

– Мисс Сандерс, мы понимаем, вы переволновались...

«Ну, всё, – подумала я с легкой грустью. – Теперь красавчик-капитан точно не попросит телефончик!»

– Плед захвати, медицина! – рявкнул капитан Миллер, – Девушка замерзла!

– Поучи меня еще, без сопливых скользко! – беззлобно огрызнулся парамедик. – Вашу ручку, мисс... – Он уверенно перехватил мое запястье теплыми пальцами и проникновенно сообщил: – Никаких сил нет с павлинами. Как увидят симпатичную девушку, да еще в беде, так давай хвосты веером распускать!

Капитан Миллер в ответ на это заявление подмигнул мне с хулиганской улыбкой и стремительным легким шагом ушел к своим парням. А мне на плечи опустился тяжелый плед, и напарница парамедика легонько погладила меня по спине мимолетным жестом сочувствия и поддержки.

– Ну что, дыхание и сердцебиение в пределах нормы, давление сейчас измерим... – мягко говорил доктор, растягивая мне веки и светя в глаза маленьким, но яростным фонариком. – Глазки... глазки хорошие. Ротик открыва-а-аем... Слизистая в норме. Укольник мы вам, мисс, на всякий случай все же сделаем, но особых причин для волнения не вижу.

Затем развернулся к полицейским и деловито объявил:

– Еще пострадавшие есть? Нет? Тогда сейчас Бет возьмет у мисс данные, и мы поехали. Ваша свидетельница в целом в норме, но я бы рекомендовал быть с ней побережнее – сами сказали, девушка перенервничала.

Когда машина скорой помощи исчезла за поворотом, мигнув на прощание огнями стоп-сигналов, я только головой покачала: ну и человек! Примчался, всех куснул, меня утешил, кольнул и сгинул. Ураган какой-то.

У меня над головой кто-то угукнул, и только тогда я поняла сразу несколько вещей. Первое: последнюю реплику я, видимо, сказала вслух. Второе: офицеры Гарнер и Уолтер снова собирались взять меня в оборот, но мое мнение о стремительном докторе разделяли и поддерживали. И третье: я сижу на заднем сиденье полицейского автомобиля, высунув ноги наружу, и, хоть убейте, не помню, когда доктор меня сюда усадил.

– Мисс Сандерс, вы готовы продолжить дачу показаний, или лучше отложить это на завтра? – проявил участие офицер Гарнер, которому медицина вот только что официально велела быть со мной бережнее.

– Нет, благодарю, – вежливо отказалась я от такого варианта бережения. – У меня нет желания растягивать это удовольствие еще и на завтра. Давайте закончим. И, офицер Гарнер... Наверное, вы правы, мне показалось.

Желание отстоять свою правоту, в которой я и сама уже сомневалась, позорно уступило другому желанию: не выглядеть истеричкой и дурой еще и при командире пожарного расчета, который как раз шел в нашу сторону.

В конце концов, боже мой, почему мне должно быть больше всех надо?

Копы, стараясь не радоваться моей покладистости слишком явно, переглянулись.

– Отлично! Тогда быстренько оформим протокольчик... – Старший коп потянул из-за отворота куртки планшет для бумаг.

– Так, вы свидетельницу еще не отпустили? – Подошедший к нам (то есть, получается, что лично ко мне, а не к нам) капитан увидел меня и просиял ярче, чем форменная бляха на пожарной робе, но его перехватил офицер Уолтер.

– Сейчас Марк закончит работать с мисс Сандерс, – и она полностью в вашем распоряжении. Ну что, какие есть мысли по поводу пожара?

– Свои мысли я изложу в рапорте. Подавайте запрос, – буркнул капитан. – Все равно пока не разберем завал и не установим очаг возгорания, точно ничего сказать не смогу.

Уолтер и не подумал отступить:

– Да бросьте, капитан! Рапорт будет в лучшем случае дня через четыре – а нам надо с чем-то работать уже сейчас. Хрен с ней, с точностью, чтобы понять, куда копать, хватит и предположений. Простите, мисс Сандерс! Вырвалось.

Капитан бросил взгляд в нашу сторону, и офицер Гарнер, почувствовав это, отвлекся от заполнения протокола:

– Еще минут пятнадцать, не меньше... – В его голосе слышались нотки вымогательства и намека на то, что он и дольше умеет. – Миллер, ну серьезно. Одно дело ведь делаем!

– Ну ладно. Вот вам предположение: судя по форме очагового конуса, характерной деформации металлических конструкций и еще кое-каким признакам, пожар протекал стремительно.

Не буду скрывать, я испытала что-то вроде легкого, но очень приятного злорадства. Офицер Уолтер бросил на меня косой взгляд, более опытный офицер Гарнер сделал вид, что ничего не было.

Капитан продолжил:

– С вероятностью процентов восемьдесят, это поджог – законопослушные возгорания так себе не ведут. Еще двадцать процентов оставляю на то, что, возможно, собственник хранил у себя в подвале пару баррелей жидкости для розжига – ну, знаете, чисто ради барбекю.

– Это вряд ли, – подала я голос, читая заполненный протокол и чувствуя, как меня постепенно разматывает успокоительным. – Когда я покупала свой дом, риэлтор предлагал мне взглянуть заодно и на этот. Мол, дом продается уже давно, и поэтому его можно купить с хорошей скидкой... И за то время, что я здесь живу, а это около полугода, я ни разу не видела, чтобы соседи сюда приезжали.

Капитан Миллер воссиял улыбкой в мою сторону:

– Благодарю вас, мисс Сандерс! Вы – бесценный источник информации!
...а может, и позвонит еще, а?

И, обернувшись к полицейским, заключил:

– Не удивлюсь, если пожар устроил сам собственник ради страховки. Или потому что отчаялся продать обременительное имущество. Здесь не так давно уже был пожар, правда, ездила туда не наша бригада, и там был чистый несчастный случай. Так парни рассказывали, что владелец чуть не до облаков от счастья прыгал. Дома здесь через один имеют признанную историческую ценность, содержать их дорого, чтобы сделать капитальный ремонт, нужно собрать чертову уйму разрешений – извините за грубость, мисс Сандерс! – и сдать это все в итоге нескольким комиссиям. А пожару печати с подписями не нужны. Главное, чтобы основательно выгорело – и пожалуйста, у тебя земельный участок без лишнего внимания со стороны бюрократов...

Гарнер с Уолтером многозначительно переглянулись, и пожарный, воспользовавшись тем, что они отвлеклись, обратился ко мне:

– Мисс Сандерс, мне бы пару минут вашего внимания, чисто бумаги оформить! Вы как, в состоянии? Или, может, перенесем? Скажем, на завтра? Не хотелось бы затягивать с этим, но...

Честное слово, присутствие полицейских, которые только недавно задали мне тот же самый вопрос, ничуть не помешало бы мне включить умирающего лебедя и дать противоположный ответ, но...

Чертova гражданская сознательность!

– Нет, капитан, я в порядке. Вполне смогу ответить на все ваши вопросы.

– Нет-нет, нужно только ваши данные и ручку. Приложить!

Слава богу. А то сконцентрироваться удается с трудом и спать так хочется, что даже на легкий флирт капитана Миллера ответить никаких сил нет, только улыбку из себя вымучить!

– Так, бравая полиция Эверджейла, у вас всё? Вопросов к мисс Сандерс больше нет?

Офицер Гарнер вытащил у меня из рук планшет для бумаг, где я как раз вывела в протоколе «С моих слов записано верно» и поставила подпись, и подтвердил:

– Нет, у полиции вопросов больше нет. Мисс Сандерс, благодарим за сотрудничество и неоценимую помощь следствию!

– Катитесь уже, дуболомы. Не видите, девочке не до ваших идиотских реверансов. Протокол одолжите, я данные свидетельницы перепишу... Вот так, мисс Сандерс, проверяйте. Проверили? Всё верно? Тогда вот здесь – вашу подпись, пожалуйста. Отлично... И давайте-ка я вас до дома провожу, а то как бы вы не уснули по дороге...

Глава 3. Ночной жрец

Марша

Ветер вздымал песок. Казалось, земная твердь вздыбилась и смешалась с небом. Песчинки забивали глаза, ноздри, легкие, опалая и иссушая, лишая возможности дышать и двигаться. Колесницы врага осыпали воинов стрелами, пробиваясь сквозь их ряды. Войско Та-Кемета дрогнуло под смертоносным дождём. Чернокожий военачальник в золоченых доспехах что-то кричал, но за воплями раненых, ржанием лошадей и воем ветра невозможно было что-либо расслышать. К тому же его крики всё равно ничего не решали: воинов Долины Нила теснили, ещё чуть-чуть – и враги хлынут в образовавшуюся брешь. Но вместо того чтобы скоординировать отступление, золотой воин встал в полный рост и расправил плечи. На воздетых вверх руках блеснули наплечные браслеты. Он поднял лицо к солнцу и что-то крикнул. В последний раз, потому что теперь все лучники противника сосредоточились на нём.

А дальше случилось то, что может быть только во сне: казалось, сам воздух вокруг безумного воина Та-Кемета уплотнился и засиял. Почувя угрозу, возникшие пытались развернуть коней. Но куда там!

Да и было поздно.

Воин вспыхнул, и ужасное пламя охватило вся вокруг, выжигая своих и чужих, живых и мёртвых, обугливая и распыляя пепел...

Я вывалилась из сна и ещё какое-то время не могла сообразить, где нахожусь. Сердце безумно стучало, дыхание было тяжелым, словно после секса. Вот это жаль, что «словно», над этим следовало поработать, но перед глазами стоял безумный карающий огонь. Вот это меня накрыло!

Я скинула тяжелое одеяло и села, погрузив стопы в ворс прикроватного половичка. Из окна слепило фонарём. Почему я его не выключила с вечера? Медленно и неохотно в голове всплыл ответ: потому что рядом был пожар, и на пепелище мне причудился труп. Потом красавчик-капитан проводил меня до дверей, а что было после, я вообще не помню. Хороший укольчик мне вкололи, молодец ураган-парамедик, жаль что быстро выветрился, не иначе как самумом из сна. В груди всё еще грохотало, как молотом по наковальне, и тело будто вибрировало от этих ударов мелкой дрожью. Я поднялась, сделала пару шагов до тумбочки, выдавила из блистера таблетку успокоительного и запила остатками воды в кружке.

Воды оказалось мало. Слишком мало, чтобы утолить жажду. Скорее всего, это побочка от укола. У всего всегда есть рациональное объяснение, если хорошо поискать. Странный сон – причудливая смесь из бабушкиной идеи фикс о происхождении рода от величайшей женщины-фараона Хатшепсут, пожара и галлюцинации с браслетом. Похоже, кому-то нужно взять отпуск, подцепить в какой-нибудь забегаловке мужика и переключиться с истории Древнего Египта на что-нибудь более... осязаемое. Возможно, я простыла, пока ждала на улице, и у меня температура. Это бы объяснило и жажду, и жар во сне, и озноб. Нужно спуститься в кухню, там аптечка с градусником и кран с водой. Я закуталась в стёганный халат – первый этаж практически не отапливался, так, чуть-чуть, чтобы не околеть. Натянула на ноги домашние пушистые сапожки и почапала вниз.

Окна спальни выходили на подъездную дорогу, а на противоположную сторону, обращённую к лесу, свет фонаря не попадал. Закрыв дверь в спальню, я сразу оказалась в крошеч-

ной тьме. Молодой месяц размытым бледным пятном не столько светил, сколько робко намекнул о себе, не в силах пробиться через снеговые тучи. Нашулав перила, я осторожно двинулась по лестнице. На первый этаж ведут двадцать четыре ступеньки, потом узкий глухой холл прихожей, похожий на футляр, а в столовой от фонаря будет почти как днём, только ночью. Потом, на обратном пути, я его выключу и спокойно досплю.

Хотя на счёт «спокойно» – это не точно. Станный, слишком реалистичный сон не отпустил. Это же как загажен, неизлечимо инфицирован мозг, что даже во сне у меня египтяне осознаются «воинами Та-Кемета»? Та-Кемет, «Чёрная Земля», – так в древности жители Египта называли свое государство. Египтолог во мне отметил, что воображение нарисовало весьма реалистичную картину боя, оружия и доспехов. Самовоспламенение – вот это никак в историческую реальность не укладывалось. Как причудливо подсознание вплело в сновидение символ священной птицы Бенну – египетского прообраза Феникса – с браслета! Учитывая, что браслет мне тоже причудился. Он же правда причудился? Ну куда бы он делся вместе с трупом, если бы был? Нет-нет, срочно в отпуск, размягчать кору больших полушарий в мыльных операх и удовлетворять голодное либидо. Вот если красавчик-пожарный позвонит, я сразу ему скажу «да». Прямо вместо «добрый день»!

Примерно как «нет» – офицеру Гарнеру. Только «да».

Внизу было ощутимо холодней, чем в спальне. Или всё же знобит? Я обняла себя руками за плечи и, слегка подрагивая, ускорила шаг. Тем более что из столовой, спасибо открытой настежь двери, падало достаточно света, чтобы я не боялась обо что-нибудь споткнуться. Ну да, я такая хозяйка, что осторожность в темноте не помешает. И что? Зато когда светло, у меня можно ходить совершенно спокойно!

Но когда я ступила в столовую, у меня возникли серьёзные основания полагать, что на счёт «совершенно спокойно» я погорячилась. Из кухни слышались звуки биологического происхождения. Бесшумно вернувшись в мягких домашних сапожках обратно в холл, я прихватила со стойки под клюшки для гольфа самую тяжёлую. Она и её приятельницы вместе с подставкой достались мне в наследство от прежних хозяев дома. Теперь, вооруженная, я чувствовала себя спокойнее. Впрочем, страха я и не испытывала. Настороженность, сосредоточенность, разумная осторожность и желание выгадать для себя наиболее выигрышную позицию в драке.

Страх... страх размывался. Размазывался о мою уверенность в том, что я способна справиться с абсолютно любым угрожающим мне человеком. Если, конечно, речь идет о прямом физическом столкновении.

Кухня располагалась в самом углу дома, и света ей доставалось меньше, чем столовой. Но должно было хватить, чтобы рассмотреть, кто же там чавкает, как последняя свинья. Я бы посчитала, что через подвальное окно в дом забралась бездомная собака. Но где бы она нашла, чем почавкать, у меня в кухне, вот вопрос? Поудобнее перехватив рельефную рукоятку клюшки в ладони, я толкнула дверь.

...И клюшка с оглушающим грохотом шмякнулась на пол.

Матерь божья! Я автоматически отметила про себя, что делаю успехи – не чертыхаюсь, папа может мною гордиться!

Возле распахнутого холодильника, ссутулившись, стоял голый мужчина. Он был совсем-совсем без ничего, даже без кожи. То есть кожа у него всё же была, но... такая себе кожа, очень условная. В тусклом свете казалось, что её нет вовсе, только розовые мышцы. Словно накипные лишайники, уродливыми заплатками по поверхности тела были разбросаны черные шершавые пятна, очень похожие на обугленные покровы. Розовато-белёдые тяжи свежих рубцов тоже не добавляли привлекательности этому ходячему анатомическому атласу.

На стук клюшки он резко обернулся. Мужик, ну зачем ты это сделал?

Он был реально страшный. Фредди Крюгер заплакал бы сейчас от зависти. Я даже попыталась ущипнуть себя за руку – говорят, что это помогает понять, спишь ты или нет. Не знаю, мне не помогло. Мужик поднял на меня мутный взгляд, отчаянно стискивая в руках курицу-гриль, которую до этого рвал зубами, жадно вгрызаясь, давясь и, кажется, глотал, не жуя. И курица, которую я только вчера купила, выпала из его рук.

Так-то я его понимала. Но это была моя курица! Мало того что он её почти всю сожрал, так ещё повалить решил то небольшое, что осталось! Разумеется, я не собиралась доедать, но сам принцип! К тому же мне за ним убирать. Ладно, ты припёрся в чужой дом в чём мать родила. И даже чуть меньше. Ладно, украл мою еду. Но какого... какого резона ты валяешь её по полу? Я, между прочим, за неё деньги заплатила!

– Отошёл, – спокойно (очень спокойно!) скомандовала я, медленно приседая, чтобы поднять клюшку.

Ощущение было, как будто передо мной дикий зверь. Ну... во всяком случае, не слишком-то разумное существо.

Также плавно выпрямившись, я клюшкой указала «гостю», куда именно он должен отойти.

Он послушно попятился, не отводя от меня взгляда. Так, будто... не знал, чего от меня ждать? Опасался? И это усиливало сходство с забредшим на чужую территорию хищником (хотя бы потому, что травоядные не жрут чужих кур). Однако человеческую речь изуродованный мужик явно понимал: он отступил, когда я потребовала.

Хотя росточком был высок. И плечами широк. И мышцы были о-го-го! Как у него обстояли дела с другими частями тела, представляющими интерес для женщины, рассмотреть было невозможно из-за стоявшего между нами стола. Может, не стоило просить его отходить? Или попросить, чтобы он отошёл вместе со столом?

«Гость» бросил на курицу полный тоски взгляд, переступил неуверенно на месте, чуть сменив положение корпуса... И тут я увидела наконец то, что не заметила сразу: на его плече был браслет.

Прости, папа, но на мой взгляд в данной ситуации я имею право это сказать: ах вы ж чертовы засранцы при форме и полицейских значках! И ведь вы почти убедили меня, что это у меня глюки и непорядок с нервишками!

Да чтоб вам...

Чтоб вам икалось, придуркам ленивым.

Чтоб вам выйти ночью на кухню попить водички – и встретить голого мужика в браслете на босу руку!

Чтобы вам обоим по выговору вкатили, лишили премии, отгулов – а потом еще и неполное служебное соответствие объявили!

Потому что за мужика я ручаться не взялась бы, но широкий золотой браслет с орнаментом у него на плече был тот самый. Который мне якобы «причудился».

Так причудился или нет?

Был труп или не было?

Храни боже парамедика, который вколол мне успокоительное: сейчас эти вопросы волновали меня куда меньше, чем вопрос прикрытия естества моего ночного посетителя. А вопросы о браслете, пожаре и методе проникновения в мой дом я задам чуть позже.

– Прикройся. – Я сняла с крючка фартук и швырнула мужику.

Разумеется, недокинула. Но он сумел поймать. Сделал пару шагов вперёд и поймал. Ну что я могу сказать. Пожалуй, это было единственная часть его тела, на которую можно было смотреть без слёз. Но я никому не расскажу об этой своей мысли, потому что Фрейд из неё бы написал пару диссертаций.

Уродец, к счастью для себя, мысли мои не читал, а послушно обернул чресла.

– Отойди!

Я предупреждающе качнула клюшкой, хотя реальной необходимости в этом не было. Мужик приказов слушался. Вот и теперь он беспрекословно отступил назад, в небольшую прихожую с лестницей в погреб. Может, я забыла закрыть там дверь? В доме, проект которого был датирован тысяча девятьсот восемнадцатым годом, было целых три крыльца. Главное – от подъездной дороги, заднее, которое выходило на открытую веранду с противоположной стороны, и боковое, которое вело в кухню и когда-то предназначалось для слуг. Я редко пользовалась боковым входом. Практически никогда. Вполне возможно, она не заперта уже пару месяцев, а я бы и не подозревала, если бы не этот несчастный.

Я приблизилась, держа клюшку на весу. Скажем честно: вряд моё оружие для него представляло опасность. С разницей между им и мной в росте и весе, он мог рассчитывать легко его отобрать. Правда, в этом случае у него были все шансы познакомиться и с причинами, по которым я не сомневалась, что один на один справлюсь с любым человеком, и с клюшкой – причём настолько близко с ней обычно знакомятся не гольфисты, а мяч.

Когда меня выносило в режим берсерка, рассудок отключался, а когда возвращался, узнавал обо мне много нового. Такого, о чём бы предпочёл и далее находиться в неведении. То ли уродец это чувствовал, то ли в самом деле не представлял опасности, а, напротив, сам находился в беде. Почему-то от него не веяло угрозой. Но, возможно, это отупляющий результат седатива.

Осторожно, стараясь по дуге обходить незнакомца (незачем сокращать дистанцию между нами на удобную для броска), я подошла туда, где до этого стоял «гость», и аккуратно толкнула ногой дверцу холодильника. Мог бы и сам закрыть, между прочим! «Не моё – не жалко!»?

Подтянув к себе курицу клюшкой, я подняла её. Думала, он жрал её прямо так, холодной. Но нет, тушка (вернее, то, что от неё осталось, и это была меньшая часть) была тёплой. Я планировала обдать её кипятком. Но голодный взгляд говорил, что обожженный бедолага может не дожидаться, пока чайник вскипит: или тут же окочурится, или найдёт другую пищу. Не хотелось думать о том, что может ею стать. Или кто. Поэтому я просто помыла курицу под краном, положила на тарелку и поставила на стол.

– Садись и ешь! – снова скомандовала я.

Обожженец вновь послушался, устроился за столом и вцепился в курицу двумя руками и всеми зубами. Всё же сидя он казался менее опасным. Хотя бы из-за роста. Ну и нападать из положения «сидя за столом» сложнее, чем из положения «стоя». Понаблюдав немного за нездоровым аппетитом непрошенного гостя – похоже, в последний раз он ел в прошлой жизни, – я решила, что можно перейти ко второй части: допросу.

– Ты вообще живой или зомби?

– Хрям-ням-чвак-чвак. – Мужик пожал плечом и почесал его жирной (фу!) рукой, сдирая коросту, под которой обнаружилась розовая кожа.

– На сырое мясо не тянет?

– Чвак-ням-хрум-хрум! – Он помотал головой и показал пальцем на курицу, от которой оставалось всё меньше курицы и всё больше скелета.

– А говорить ты умеешь?

– Мням! – Он кивнул.

– А почему не говоришь?

– Мням-чвак?! – Он поднял ошеломлённый взгляд.

Я набрала полные лёгкие и медленно выдохнула. Это я после укола и таблетки! Налила себе воды из чайника. Вообще-то именно за нею я и шла.

– М-м-м! – Мычание вышло очень жалобным. Уродец показал пальцем на меня, не переставая молотить челюстями. Теперь он перешёл к косточкам, с которых сначала обглаживал хрящи, а потом обгрызал пористые концы. И почесал щеку, сцарапывая подсохшие струпы.

Я налила воды в другую чашку и шмякнула её рядом с тарелкой. А следом плюхнула коробку с вытяжными салфетками. Ты мужик или свинья, ну правда! Салфетки он словно не заметил, а чашку осушил одним глотком и протянул её, как нищий прилипла за милостыней. Я налила снова, и чашка опять опустошилась в мгновение ока.

Курица закончилась, но явно не голод. Незнакомец перешёл на тоненькие куриные ребрышки. Достаточно ли во мне гуманизма, чтобы накормить голодного, голого, обгорелого мужика, который неизвестно как появился в моём доме посреди ночи? На улице, между прочим, не лето. Уже почти зима, судя по крупным хлопьям, падающим за окном. Не знаю, что там думал гуманизм, а здравый смысл подсказывал: если еды не дам ему я, он возьмёт её сам. Приблизилась к холодильнику, распахнула. Не густо. Достала из морозилки рыбные палочки с рисом, включила микроволновку и поставила на стол молоко с батоном. Уродец закивал головой и присосался к горлышку тетрапака. Что же с ним такое произошло? Сердце сжималось от жалости, как при виде бездомной собаки.

– Пока ты ешь, можно посмотреть браслет? – осмелилась спросить я. С такого расстояния было сложно разглядеть детали чеканки, а руки чесались подержать его в руках. При первом знакомстве мне почему-то показалось, что вещь старинная, несмотря на блеск свежестопрополированного золота.

Хотя потом и усомнилась, отнесла к новоделам.

Уродец помотал головой. Странно было бы ожидать чего-то другого. Но всё же я надеялась на какую-то благодарность.

– Не снимается, – коротко пояснил мужик. Просипел, точнее.

– А откуда он у тебя?

Уродец пожал плечами.

– Давно?

Снова пожатие плеч.

– Не помню.

– Кто ты?

Снова пожатие плеч и мотание головой.

– Не помню.

– Даже как тебя зовут?

Незнакомец на какое-то время перестал жевать.

– Кажется, Зак, – проговорил он с набитым ртом и допил остатки молока. – Но не уверен.

Звякнула микроволновка. Я достала упаковку с готовым ужином и поставила её перед бедолагой вместе с ложкой. Обезображенное лицо на секунду осветилось счастьем. Я всё же вскипятила чай. В кухне всё ещё было холодно, хотя адреналиновая встряска меня немного согрела. Но кружка горячего чая грела лучше. Я и гостю налила.

– Слушай, тебе же холодно! – До меня вдруг дошло, что я-то в тёплых сапожках и халате, а этот-то вообще без ничего.

– М-м! – «Кажется Зак» помотал головой и поднял взгляд от тарелки. – Я очень страшный, да?

Оу, мозг обожженца, получив дозу глюкозы, стал выдавать осмысленные предложения! И предположения.

– Ты не видел себя в зеркале?

Он помотал головой. Он продолжал есть, но уже без той звериной жадности, которая была в самом начале.

– И не смотри, – посоветовала я от чистого сердца. – Совсем ничего не помнишь?

Он задумался, глядя в тарелку. Там оставалось несколько рисинок. Он старательно сгрёб их ложкой в кучку, собрал и отправил в рот. Прожевал. И наконец ответил:

– Не знаю.

– Есть ещё хочешь?

– Нет, спасибо. Только пить. – Он взял в руки кружку. – Я заплачú.

– Как? – не сдержала я сарказма.

Он пожал плечами. На руке блеснул браслет. Интересно, все же подделка или нет? Зак почесал лысый затылок, и изуродованное рубцами и струпьями лицо исказилось.

– Больно? – Сердце отчего-то сжалось.

Обожженец привычно помотал головой. Видимо, речь давалась ему тяжело. Голос звучал хрипло и надсадно:

– Чешется. Сильно. Везде.

Подмывало спросить, когда он в последний раз мылся. Но если Зак не был уверен в своём имени, вряд ли сможет вспомнить, когда принимал душ.

Он зевнул и потёр глаза, лишённые ресниц. Как-то ненавязчиво в голове всплыл вопрос: ну накормила, молодец. А дальше что?

Глава 4. Вспомнить всё!

Зак

Хотелось жрать и забиться поглубже, куда-нибудь в укромное место и отсидеться. Эти желания ощущались диаметрально противоположными, и желание жрать побеждало. Тело, там, где я мог его видеть, выглядело, словно реквизит к фильму ужасов, а ощущалось... Вот как если бы пласт теста пропустили через лапшерезку, а потом то, что получилось, зачем-то снова смяли в небрежный комок, и теперь каждая полоска в нем не только болит, но и не уверена, что прилипла на свое место. И всё, просто всё чесалось! Держать себя в руках стоило невероятных сил. Мне, кажется, доводилось чувствовать себя и хуже, но не припомню, когда.

Кто я? Да я в себя пришел, когда ты ненавязчиво помахала своей клюшкой, а своё имя вспомнил только после того, как ты о нем спросила...

Кто я? Интересный вопрос. Хотелось бы знать на него ответ. Но пока у меня его не было. Пока у меня была амнезия. Я откуда-то знал, что обстановка в кухне, где я сейчас находился, – настоящий, хоть и запущенный, антиквариат, исключая современный холодильник, микроволновую печь и электрический чайник. Я знал, как ими пользоваться. И даже оценил марку техники как недешёвую, и был в курсе, что она входит в противоречие с общей обстановкой дома. Я смог вспомнить своё имя, кажется, настоящее. Всё убеждало меня в том, что у меня ретроградная амнезия, а это обычно проходит.

О, я знал, что такое ретроградная амнезия! Может, я врач? На этот вопрос мозг среагировал и подсказал, что судя по рубцам, у меня были ожоги третьей степени. Но при стопроцентной площади поражения люди с такими повреждениями не выживают.

Всё-таки медик?

Однако я понятия не имел, как такое лечить. Наверное, всё же нет. Тогда кто? Точно не нищий бомж, потому что когда говорил, что заплачу, я был твёрдо уверен, что в состоянии это сделать. Это вылетело автоматически. Хотя прямо сейчас деньги взять, прямо скажем, мне было неоткуда. Из чего возникал следующий вопрос: как я оказался в таком виде там, где нахожусь? К сожалению, хозяйка не знала на него ответ. По её реакциям я был в этом убеждён, хотя откуда убеждённость бралась, понятия не имел.

Хозяйка была миленькой. Достаточно высокой, стройной, но не тощей. Копна довольно темных, – точно цвет при свете уличного фонаря различить было сложно, но не черных, – волос обрамляла округлое скуластое лицо. Большие глаза. Сочные губы красивой формы, в которых читалась страстность натуры. Зачем мне это читать в моём нынешнем облике, оставалось очередным вопросом без ответа. Если моё лицо выглядит так же, как остальное тело, вряд ли это знание мне пригодится.

Как же всё чешется, кто бы знал! Если бы у меня были волосы, я бы подумал, что это вши. Или блохи. Но на чем им держаться? Я же безволос, как коленка, везде, куда мог дотянуться взгляд. И руки, чтобы почесаться.

Порция готового ужина в магазинной упаковке стремительно таяла. Я не то чтобы наелся, – тело требовало больше пищи, – но есть уже было просто некуда. Желудок был набит под завязку. Не говоря уже о том, что любое гостеприимство имеет границы. Хозяйка и так проявила его на двести из ста возможных баллов. Если бы ко мне в дом явился голый обожженный мужик и влез в мой холодильник, я бы его попросту пристрелил.

О! «Пристрелить» не было фигурой речи! Я действительно это мог. У меня было оружие, и я умел им пользоваться. Однозначно.

– Полагаю, спрашивать, на какой адрес вызвать такси, бессмысленно? – задала вопрос на удивление бесстрашная девушка.

Или глупая.

Возможно, она никогда не слышала о маньяках.

Я о маньяках слышал. Без вариантов. Возможно даже, я был одним из них, но прямо сейчас не испытывал ни потребности убивать, ни совершать насилие. Помимо желания жрать, пить и чесаться, я хотел только спать. Так, что с трудом сдерживал зевоту. Поэтому вне зависимости, являлся я маньяком или нет, до утра был полностью безобиден.

Не дождавшись моего ответа, хозяйка продолжила:

– Совесть не позволяет мне выгнать на мороз человека, которого я только что спасла от голодной смерти. – В её тоне сквозила лёгкая насмешка. Я мог её понять, хотя юмора ситуации не разделял. – Поэтому я позволю вам переночевать здесь, Зак.

– Это очень щедро. – Голос слушался меня с трудом. Нос, горло, лёгкие – всё саднило. – Но сначала вы помоетесь.

Вода! Мыться! Всё внутри вдруг всколыхнулось предвкушением от этой мысли. Это было правильно и необходимо. И даже важнее, чем спать.

– С радостью! – прохрипел я.

– Вот это меня вообще не интересует: с радостью или нет. Спать вы будете в комнате для завтраков.

– Где?! – Комната для завтраков?! В моей прежней жизни это определённо было излишеством.

– Вот там. – Хозяйка мой вопрос истолковала по-своему и ткнула пальцем вправо от себя. – Идете по коридору, и направо будет маленькая комнатка. Думаю, в ней будет проще согреться, чем в столовой или гостиной. К тому же оттуда можно пройти в гостевую ванную. В комнате вы найдёте скамейки, их можно составить, чтобы лечь. Я поищу что-нибудь надеть, постелить и укрыться. Второй этаж мой. Ни при каких обстоятельствах не советую туда подниматься. Я могу неправильно истолковать ваши намерения, и это окончится для вас плачевно.

Видимо, у неё всё же было, чем защищаться, раз она говорила об этом так решительно. Почему-то от этой мысли мне стало спокойнее. Не за себя – за неё. Наверное, я всё-таки не маньяк. А если маньяк, то очень совестливый.

Пока хозяйка умчалась собирать обещанное «приданое», я прошёл в указанном направлении и действительно обнаружил в конце узкого коридора, уходящего из кухни, комнатку. Если кухня была освещена уличным фонарём, то с этой стороны дома было практически темно. В слабом свете месяца глаза различали лишь общие контуры. Помещение было почти квадратным, футов восемь-девять в длину, не больше. У окна стоял стол и два узких коротких диванчика. Работающим в четверть силы сознанием я пытался сообразить, как тут можно устроиться на ночлег, и тут черепную коробку буквально взорвало ярким электрическим светом. Это было реально больно! Свет словно лазером прожёл рыхлые мозги до самых затылочных костей. Я зажмурил глаза и закрыл их ладонями, но это было ужасно! Кажется, я даже застонал, точно не могу сказать, мне было не до контроля.

– Ой, простите, не подумала. Сейчас!

Мимо меня протиснулась хозяйка, имени которой я всё ещё не знал, и щёлкнула выключателем поблизости. Потом протиснулась снова, и едкий свет сменился благословенной тьмой.

– Я посчитала, что вам нужно осмотреться, но стоило хотя бы предупредить о своих гениальных планах. – Она не извинялась, но признавала свою ошибку.

Я приоткрыл глаза. Свет теперь падал откуда-то сбоку, и в рассеянном виде он уже не так жалил.

– Нормально? Выключатель в ванной справа. Если глаза не адаптируются, и лампа будет резать, на бойлере есть светящиеся индикаторы. Даже если выключите основной свет, в полной темноте не окажетесь.

– Спасибо. – Голосовые связки после еды и тёплой воды стали слушаться лучше.

– С постельным бельём у меня не очень. – Тут я заметил на столе гору добра, не увиденную ранее по случаю ослепления. Девушка говорила не совсем правду, я это слышал по тону, но не собирался предъявлять претензии. Грязному, вонючему, неизвестно чем страдающему бомжу я бы тоже не нашёл постельного белья. Я бы и бомжа у себя не нашёл уже через пару минут после его обнаружения. – Но у меня есть чехлы для мебели! Они не совсем новые... – Между строк звучало «неплохо сохранились для своего преклонного возраста, и потом выкинуть не жалко». – Зато они большие, в них можно завернуться. И шуба, чтобы не замёрзли. Она немного не в себе, уж извините, но очень тёплая.

Хозяйка ткнула рукой в торчащий из-под светлого облака чехлов кусок меха. Видимо, шубейка из той же коллекции антиквариата, что и мебель на кухне.

– Вытереться можете этой тряпицей. – Судя по виду, та была отложена на половые тряпки, тут к гадалке не ходи. Но и это было слишком щедро. Серьёзно. – Ну и из одежды, что могла, подобрала.

– Вы очень добры.

– Ну уж... – Видимо, хозяйка приняла мои слова за сарказм.

– Вы правда слишком милосердны к грабителю, вторгшемуся в ваш дом. Я бы так не смог на вашем месте. Я искренне благодарен и стараюсь не думать о том, что на моём месте мог оказаться преступник. – Фраза вышла длинной, и к концу голос снова сел.

– А вы не преступник, Зак?

Я помогал головой.

И был абсолютно честен: ничего подобного я за собой не помнил.

– Напоминаю, что на второй этаж вам вход запрещён. Спокойной ночи! – Девушка развернулась, чтобы уйти.

– Как к вам обращаться?

– Марша. Меня зовут Марша.

– Очень приятно, Марша. Спокойной ночи. Я не покину этой комнаты, – поклялся я.

– Уж постарайтесь!

Когда её шаги стихли где-то в глубине дома, я вволю почесался и начал разбирать кучу тряпок на столе. Зрение наконец отошло от световой атаки, алые пятна больше не стояли перед глазами. Шуба оказалась форменной армейской, из меха бизона – реальный раритет! Запах нафталина и кожеед не лишили её главной ценности: она была очень тёплой. Я не ощущал холода, хотя хозяйка куталась в толстый халат. Эта вещица из пыльного сундука была способна спасти от суровых морозов, а на улице было каких-то тридцать по Фаренгейту. Днём и вовсе снег растает. Но жар костей не ломит.

Из нательной одежды первой я обнаружил безразмерную футболку с двусмысленной надписью «Неси добро!». У меня она почему-то ассоциировалась с бандитским налётом, хотя, скорее всего, была выдана на какой-то волонтерской акции. Ещё в куче лежали тоненькие штанцы, цветастые и свободные. Я прикинул их к себе. Будут коротковаты, но на зад, скорее всего, налезут. Кроме того заботливая хозяйка поделилась со мной вязаными носки с протёртыми пятками – будем считать это результатом подрывной деятельности моли. Но на первый взгляд прорехи были только кстати, потому что носки были мне однозначно малы, а с дырками на пятках был призрачный шанс их натянуть на ноги.

Одежда, за исключением ископаемого бизоньего тулупа, была женской, что указывало на отсутствие у Марши серьезных отношений с мужским полом. В настоящий момент времени.

И это меня более чем радовало. Я так и не вспомнил, кто я, но категорически не хотел утром объяснять какому-нибудь огромному волосатому самцу, что я тут делаю. Я и сам этого не знал.

Взяв одежду и импровизированное полотенце, я на ощупь, вслепую, выключил свет и забрался в ванну. Благодатный поток едва нагретой воды обрушился на меня из душевой лейки, и был почти так же божественен, как курица, найденная в холодильнике, когда я находился ещё в бессознательном состоянии. Незыблемое блаженство заставило меня застывать. Кажется, каждая клеточка истерзанного тела жадно впитывала воду. Холод меня не пугал. Напротив, сейчас я нуждался в том, чтобы остыть. Возможно, у меня температура.

Но эту проблему я буду решать на свежую голову.

Я упёрся лбом в сложенные в замок ладони и позволил себе расслабиться.

...Пуля прошла насквозь. Я зажал выходное отверстие ладонью. Под ней билась горячая влага, заливая одежду. Грудь разрывало болью. В глазах потемнело. Что-то зацелкнулось на моей руке. Я ощущал это что-то на своей коже, несмотря на то, что был в куртке. Вон палёных волос заставила сморщиться, и только потом до меня дошло: горю я...

Глава 5. Сплю на новом месте, приснись...

Зак

В мозгах сразу прояснилось, будто внутри включили свет, только без атаки по нервам. Это было из моего прошлого. Я потрогал браслет на плече – да, именно на этом месте я ощущал его в воспоминании. Как он там оказался? И было ли это воспоминанием или бредом? Я сосредоточился на вспыхнувшем в сознании образе и попытался расширить картинку. Я знал, как это сделать. Делал это в прошлом и рассказывал, как это делать, другим. Я точно не бездомным бродяжка и в состоянии оплатить ужин! Как минимум, мог в недалёком прошлом.

Я сжал браслет рукой. В разговоре с Маршей я сказал, что он не снимается. Интересно, откуда я это знал, если браслет появился на мне в момент пожара, а после него я ничего не помню? И до него тоже, к слову. Как давно это случилось, и где я находился всё это время? Вопросов было много, нужно было хвататься за то, что у меня есть. Браслет. Хотя я и так за него держусь.

...Браслет. Вот он защелкивается на руке...

Черт! Если он защелкнулся, значит, должен и расщелкнуться? Я ощупал находку. Почему-то вид браслета, рельефные египетские символы на нём, которые я рассмотрел в более освещенной кухне, вызывали во мне смутную тревогу. Смутную, но сильную. Даже злость. Он был мне знаком. В прошлом. Я ощупал его по периметру – и не нашел ни единого шва или зазора. Браслет был цельный. А значит, защелкиваться не мог. Я потянул его вниз, максимально расслабив мышцы, но браслет не двинулся с места, будто впаялся в кожу. Возможно так и есть. Тяжи рубцов вполне могли создать естественное препятствие. Так или иначе, я не соврал хозяйке дома: браслет не снимался. А вот мои воспоминания, похоже, были ненастоящими. Или я просто что-то неправильно в них понял. Я вернулся к увиденному образу, но теперь он стал каким-то размазанным, размытым и отказывался делиться с мной новыми деталями.

Я приложил ладонь на грудь, туда, где, как мне помнилось, вышла пуля. Следов раны я закономерно не обнаружил. В этом месиве если шрамы когда-то и были, то уже сменились новыми. Вода потеплела. Кожа под струями размякла и уже не так тянула, зуд стал глуше, сменившись раздражающим ощущением чего-то чужеродного на поверхности тела. Такого, от чего нестерпимо хотелось избавиться, вроде присохшей грязи и прилипшей одежды.

Рана. Я сосредоточился на ране, хотя уже сильно сомневался в достоверности подброшенного мозгом воспоминания. Если я точно знал, что отверстие выходное, значит, стреляли в спину. Я не видел убийцу, но должен был рассмотреть что-то перед собой. Хоть что-нибудь. Я же не с завязанными глазами шёл!

...Сумрак. Предзакатные лучи с трудом пробиваются через грязные окна. Этот дом заброшен уже много лет. На потрескавшейся поверхности журнального столика рассыпью лежат золотые украшения. Смерд подставки становится нестерпимым. Инстинкты требуют развернуться и бежать отсюда, пока не поздно. Меня оглушает звуком близкого выстрела, и шансов развернуться у меня уже нет...

Я помотал головой, чтобы стряхнуть чёрный морок. Новый образ, вспыхнувший перед внутренним взором, был настолько ярким, что я не мог избавиться от чувства, что это случилось только что. Это действительно со мною случилось или было игрой воображения?

Я опустил руку и почесал спину за лопаткой. Под ногтями остались размякшие корочки струпева. Фу! Рубцы отмокли, и теперь толстая шкура слезала с меня, будто я был рептилией. Нет, у рептилий она снималась чулком. А у меня клочьями, как ороговевшая кожа пяток под пемзой. Я старательно сдирал с себя всю эту гадость, стараясь не задумываться, как будет выглядеть после этого ванна. Я обязательно её отмою. Утром. Когда будет светло. А пока о том, чтобы включить свет, даже не помышлял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.